

На передовой в далеком Токио

Феликс Зейбот

для Русской Жизни

в очерке использованы материалы Архива Музея Русской Культуры в Сан-Франциско

По дорожке сада императорского дворца быстро шел сухощавый человек и весело блестящими глазами разглядывал публику. В этот день, 29 апреля 1957 года, в саду было множество народа - день рождения микадо, но не ради этого события приехал в Токио из Сан-Франциско Серафим Павлович Рождественский. В Японии налаживались связи с местными антикоммунистическими организациями, и для этого прибыл сюда представитель НТС Рождественский.

Выпало немного свободного времени, и Рождественский отправился в сад - среди праздничного многолюдья наверняка можно встретить кого-нибудь из-за «железного занавеса». Он верил, что малые дела, спаянные воедино, есть огромная сила.

Когда он увидел этих троих, сразу понял: «Так и есть - они!» На всех одинаковая, одного цвета и стиля, одежда, по виду европейцы, а все японское. Пошел, рассеяно глядя по сторонам, за ними, услышал русскую речь и радостно воскликнул:

«Вы русские?!»

Они, не останавливаясь, отчужденно посмотрели на Рождественского и один, рябой блондин с прозрачными голубыми глазами, ответил коротко и четко: «Да».

Рождественский не смутился и весело зачистил:

«О, я тоже русский! Вырос в Америке - Кливленд, Огайо, знаете? Мои родители эмигрировали еще до революции, мне тогда было пять лет. Приехал туристом, посмотреть японскую экзотику и встретил русских - как здорово!»

Они остановились, рябой прицельно посмотрел в лицо, чуть растягивая слова, спросил:

«Как же это вы так хорошо по-русски говорите?»

«Мы жили сначала в Нью-Йорке, - весело врал Рождественский, - там много русских, я учился в русской воскресной школе, когда вырос женился на русской девушке, дома мы и теперь говорим на родном языке. Только вот с детьми не так хорошо - рус-

ский у них плохой.»

«Все правильно, русским человеком можно быть только в России, в Советском Союзе.»

«В России... Расскажите как там? Здесь на дороге не поговорить толком, зайдем в кафе, посидим, по кружке пива за встречу... ну что, пошли?»

«Нет, - отрезал рябой, - мы люди занятые, расслаиваться по всяким кафе нам некогда. Коротко вас проинформирую о нашей жизни. Так вот: у нас нет безработных, у нас нет нищих бездомных, у нас нет гангстеров. Наши люди счастливы, материально обеспечены, наша промышленность на первом месте в мире, продукты питания дешевы, магазины полны самыми лучшими товарами...»

«Вот вы говорите, - перебил Рождественский, - что в СССР все самое лучшее, а плащи, костюмы, шляпы, ботинки, даже фотоаппараты - у вас японские, как же это?»

После короткого замешательства рябой, по-видимому, старший, ответил:

«Мы уже здесь три месяца, так что обносились.»

«Завидую вам, у нас даже миллионеры не меняют одежду каждые три месяца.»

Двое рассмеялись, а блондин решительно сказал:

«Ну, заболтались, дела не ждут. Прощайте.»

Рождественский не ответил - не успел, повернувшись через левое плечо, они зашагали прочь.

«Досадно, - думал Серафим Павлович, - хотелось встретить кого-то порядочного, кому можно бы передать толику нашего запала, а эти... но ничего Противника надо знать: слова пышные, а с моз-

гами небогато - потягаемся! Хорошо, что прежде, чем пошел, сфотографировал - как чувствовал, что за птицы.»

Через полгода Рождественский вернулся в Токио - со рокалетие большевистской власти в России московские правители отмечали с великим звоном по всему миру, не забыли и Японию. Народно-Трудовой Союз представлял Серафим Павлович Рождественский. Программа его деятельности была весьма насыщена: выступление «Сопротивление русского народа советской власти и работа НТС» на контрприеме в помещении организации «Свободная Азия», проводимым одновременно с приемом в советском посольстве, завтрак с Владыкой Иринием, встречи в студенческих организациях, доклад «Современное положение в СССР и проблема революционной борьбы» в Клубе парламентариев и промышленников. Еще надо было организовать рассылку текста выступления в «Свободной Азии» общественным деятелям и в газеты.

Позднее, из дома, Серафим Павлович писал В. Ф. Заприву:

«Работа в Токио (я не купался и на Гинзе почти не был - революция заела), а затем полет две ночи и день - вымотали меня, и домашние заставили меня встать на весы. 128 фунтов и это - все. Это вместо 150 или 148. Сейчас все дружно взяли меня подкармливать и по утрам суют кашу в рот.»

Кроме деятельности в высших сферах и организационной работы были и личные контакты - все для той самой революции.

С.П. Рождественский

Знакомый Рождественского, морской пехотинец Вооруженных Сил США, рассказал о встрече с советским дипломатом, который, как бы в шутку, предложил ему: «Вы ничем не провинились перед СССР, родились за границей, а в Советском Союзе могли бы сделать большую карьеру». На прощанье назначил встречу через два дня, вручил визитную карточку и сказал: «Захотите поговорить, протелефонируйте». Вместо пехотинца на встречу пошел Рождественский.

Войдя в кафе «Олимпик», что на Гинза и Zet стрит, он увидел того, рябого блондина, из сада императорского дворца, у которого, согласно визитной карточке, появилось имя Александр В. Удалов. Серафим Павлович сел за соседний столик, поудобнее устроился на стуле, оглядел плотную фигуру чекиста и подумал: «Поиграем в кошки-мышки, посмотрим, кто кошка, кто мышка.»

Играть с этой публикой было очень опасно - прошло чуть больше месяца как на конференции «Посева» во Франкфурте радиоактивным таллием отравили Николая Хохлова.

Рождественский весело оглядел зал, встретился глазами с Удаловым и приветственно взмахнул рукой: «Здравствуйте! Помните мы встречались в дворцовом саду в памятный день 29-го апреля?»

Чекист заулыбался, мгновенно погасив в глазах недоумение:

«Да, да, конечно, здравствуйте! Как ваши дела?»

«Ни черта он меня не помнит, - подумал Рождественский, - шпион называется!»

«Всё хорошо, приехал по делам, у нас здесь партнеры. Вы готовы праздновать свой юбилей?»

«Готовы! У нас есть чем гордиться, наши достижения вызывают восхищение у всего прогрессивного человечества: дает ток первая в мире атомная электростанция, освоены целинные и залежные земли, спущен на воду атомный, тоже первый в мире, ледокол, и точно к празднику запущен первый искусственный спутник

Земли». Отрапортовав, Удалов посмотрел на часы.

«Достижения, что говорить, но есть и трудности - прошлогодние события в Венгрии - что это?»

«Американские штучки! Мы помогли братскому венгерскому народу пресечь наглую вылазку недобитых фашистов и их заокеанских хозяев.»

Удалов опять посмотрел на часы, недовольно поморщился и встал: Прощайте!»

«Тупой скучный чекист, - подумал Рождественский, - однако надо предупредить о нем Исполнительное Бюро и Закрытый Сектор - американскими солдатами русского происхождения он интересуется нес-проста

Времени оставалось в обрез - надо спешить к профессору Ванатабе обговорить детали выступления на контрприеме, затем организовать рассылку специального послания НТС по случаю со рокалетия большевистского переворота и брошюр общественным деятелям и газетам. Заодно решил послать и этому болвану, Удалову, пусть понервничает.

Дни в Токио пролетели в выступлениях, встречах, разговорах с возможными будущими соратниками по борьбе с коммунистической заразой.

Накануне отъезда домой, в Сан-Франциско, у Рождественского случилась неожиданная встреча. В письме к Р. Н. Редлиху он подробно её описал.

«В Токио, 11 ноября, у меня была интересная встреча с ученым ихтиологом из СССР, лет 60-ти, типа Билимович, с бородкой. Встретились днем в магазине «Наука», один на один. У полки с книгами завязался разговор, который продолжили в кафе за пивом. Не мог оставаться дольше с ним (проговорили часа два), так как надо было спешить к Ванатабе, а затем на доклад в Клубе парламентариев и промышленников.

Ему я вручил «Конгресс в Гааге» и «Реша по совести» и «Программу НТС». Взял с удовольствием и сказал мне: «Здесь, в Токио, не достать ни эмигрантских газет, ни книг! Это не то, что в Париже!» О НТС слышал в 56-м году, когда

по дороге в Париж - прочитали им специальную инструкцию. В Токио не читали, считая, что в Токио НТС нет. Говорит о Жукове - «Хотел военную диктатуру, но на Бонапарта не вышел - кишка тонка». О Хрущеве: «хитрый мужик, импонирует массам, но на «него лезет Сулов».

В войну скорую не верит, но «страна и народ недоедает, а всё идет на военную подготовку».

«Спутник! - очень гордится этим достижением. - Утерли наши ученые нос американцам!».

В революцию не верит, но верит в возможность её без серьёзной организации внутри СССР, но считает, что постепенная эволюция «в сторону демократии и либерализма неизбежна!» Сталинский зажим сейчас невозможен - «Народ не позволит!» Жизнь материальная значительно улучшилась, главным образом в больших городах, в провинции по-прежнему плохо - нет товаров, часто не бывает и хлеба.

О концлагерях знает «У меня в семье есть репрессированные».

Смягчение режима показал на примере: «Вот хожу по Токио один, а раньше это было невозможно».

С большим вниманием слушал меня и мои рассказы про НТС. Считал, что в США к русским относятся как к неграм, даже нельзя по-русски на улицах разговаривать!»

Про Венгерскую революцию информирован правильно, даже добавил: «То же может случиться в Польше! Но теперь вряд ли - американцам не верят - не поддержали венгров.»

Я дал ему адрес Сибирякова (магазин) в Париже, куда он, возможно, поедет. Он мне назвал себя Василием Митрофановичем Паниным. Я назвал себя и попросил в Париже сослаться на меня (у Сибирякова).

На прощанье сказал: «Помогай Вам Бог! За трудное дело Вызялись...»

Второе свидание назначить нельзя было - он уезжал с экскурсией куда-то на север и 15 ноября обратно в СССР, а я 12-го - в Сан-Франциско.

Разговор начался с романа Леонова «Лес», и у полки с книгами, кроме нас двоих, никого не было, а в магазине было человек 6 японских студентов.

Вспомню еще его замечания - напишу. Но он больше спрашивал про жизнь в эмиграции и НТС.

О «наймидах» ни слова - даже сказал: «Вам, конечно, помогают, ну, да это понятно, ведь и Ленину помогали».

Удивительно приятный и типичный интеллигент. Про Собор «Николай-До» знал, но

туда не ходил «Бережёного - Бог бережёт.»

Такой разговор, конечно, возможен был по счастливой случайности - один на один.

Относительно его фамилии я не совсем уверен, так как на его портфеле были инициалы В. С. С. Ну, да это и не так важно!»

И верно, неважно - Панин или не Панин на штурм большевистской крепости он не пойдёт, но и защищать ее не будет, такие, как Панин, при первом натиске выпадут из строя - откроется брешь - всё помощь. Важно, чтобы в этих честных, но пассивных, росло отчуждение от марксистско-ленинского людоедства.

Два очень разных человека: один в пятнадцать лет участник Ярославского восстания, защитник Волочаевки, ковбой в Австралии, журналист во Франции, узник гестапо, непреклонный борец с советской властью, человек открытых взглядов и кипучей энергии Серафим Павлович Рождественский, и другой - политически бездеятельный, хотя и, как теперь говорят, с фигой в кармане, Василий Митрофанович Панин. Вместо большевистского «кто не с нами, тот против нас» у Рождественского понимание иной индивидуальности, душевное расположение к другой личности - человеческий солидаризм НТС против звериного коммунизма КПСС.

Начав борьбу с большевиками в восемнадцатом году, после без одного года сорока лет служения (военная служба ограничена двадцатью пятью годами) не думал ли Серафим Павлович в пятьдесят седьмом году, что не пора ли на отдых, пусть молодые послужат?

Вот ответ на этот вопрос.

Возвращаясь домой, бессонной ночью в самолете Рождественский просматривал свое расписание на ближайшее время;

19 ноября - интервью для «Сан-Франциско Ньюз».

21 ноября выступление перед русскими учителями в Монтерее.

27 ноября выступление на КСФ Радио.

3 декабря выступление на радио в Палас Отеле.

Доклад в Русском Центре Сан-Франциско.

Встреча у Аниты Спенсер в Сакраменто.

Доклады и интервью в местных газетах в Лос-Анджелесе.

29 декабря в Нью-Йорке на поместный съезд САО и там доклад.

Наверное, старый энтезосец прочтет последние строчки, глянет на телевизионный экран и негромко скажет: «Да. Были люди в наше время...»

РЖ

День рождения полководца Суворова, отмечаемый 24 ноября, возвращает к его былинному облику.

Помните рекламу «До первой звезды»? Ту, где он в пост отказывается принять угощение от императрицы Екатерины? Так веками складывалось: даже чудачествам Суворова приписывают величие. Мифов о нём не счесть. И большинство из них — о крутом нраве и причудах Александра Васильевича — почерпнуты из... анекдотов.

«Поживи своё, закричишь курицей»

Алексей Фёдоров,

“Русский Мир”

Конечно, анекдоты XVIII и XIX веков сильно отличались от нынешних. Они были мягче. Но всё же большая их часть отражала впечатление рассказчиков, а не портрет Суворова. Чтобы разглядеть реальность, надо заглянуть в реестры и рапорты, слишком длинные и скучные для тех, кто жаждет героического. Или хотя бы в записки одного из денщиков Суворова, где тот описал распорядок дня хозяина: сон, зарядку, приём пищи, одежду и многое другое, но и словом не обмолвился о разных его «фокусах». А ещё пришлось бы вникнуть в семейные неурядицы Суворовых. И этот быт, из которого составляется непридуманная жизнь, размыл бы романтический образ.

Культ Суворова возник в начале XIX века на волне романтизма. Тогда стало модным противопоставлять героя миру, говорить о предопределённости пути гения. Вспомните хрестоматийную историю о хилом мальчике, благодаря

железной дисциплине победившем болезни и ставшем генералиссимусом. Чем не завязка в стиле романтизма? Тем более что именно так, с преодоления физической немощи, начинался путь Цезаря и Демосфена. Подобным образом, в виде ряда архетипических сюжетов, можно изложить жизнь Александра Васильевича.

В ряде анекдотов Суворов предстаёт настоящим христианином, строгим постником среди заевшихся екатерининских вельмож, растерявших остатки веры. В истории о смотре войск в Кременчуге Суворов предстаёт необычайным скромником, попросившим за свои труды по созданию хорошей армии лишь уплатить три с половиной рубля хозяину квартиры. Но ярче всего полководец предстаёт в анекдотах об опале, постигшей его в годы правления Павла I. Здесь Суворов не иначе как русский богатырь, оклеветанный и безвинно наказанный правителем, известным сумасбродом и германофилом. И подобным басням несть

числа. В основе некоторых из них свидетельства очевидцев, переиначенные по вкусу того, кто их записал. Другие, как история о благородном отношении Суворова к пленённому Пугачёву, являются плодом чистой фантазии. Но в любом случае все эти анекдоты и басни уводят нас в сторону от реального Александра Васильевича, который был сыном своей эпохи.

Он имел прекрасное образование. Отлично владел французским, немецким и итальянским языками, сносно говорил на турецком, татарском, польском, финском. Помимо необходимых ему военных наук, прекрасно знал и любил историю, разбирался в философии, не чужд был поэзии. Ознакомился Суворов и с популярными тогда идеями французских просветителей, но категорически отверг их как «аморальные и противные русскому духу».

В молодых людях, прибывавших на службу раздетыми по парижской моде и не желавших по-настоящему воевать, он усматривал результаты фран-

на 8-ой стр. СУВОРОВ